

Текст · 15 июля 2020, 20:36

Юлия Сугуева, Олег Зурман, Александр Бородихин,

«Я не буду молчать. Я не буду бояться. Я продолжу свою деятельность». Речь Руслана Шаведдинова в архангельском суде

Ваша честь, впервые за семь месяцев у меня появилась возможность выступить, за что я вам очень благодарен. Семь месяцев назад меня похитили из собственной квартиры и отправили в политическую ссылку. В принципе, никто не скрывает из тех, кто находится вокруг меня, что это политическая ссылка с целью запугать меня, запугать всех молодых людей, которые в России интересуются политикой, которые оппозиционны к нынешней власти.

Меня отправили в ссылку в Арктику. Более того, меня отправили в самую глубь Арктики, чтобы я не мог поддерживать связь и общение со своими коллегами по Фонду борьбы с коррупцией. Чтобы я не мог поддерживать общение со своими родственниками, близкими и дорогими мне людьми. Фактически, я реально отбываю политическую ссылку. Люди, которые поддерживают и интересуются моей историей со всей страны, присылают письма и книги, в которых реально какие-то диссидентские истории, как высылали за много-много верст оппозиционеров в предыдущие времена, и сейчас реально времена вернулись. Какое-то уголовное дело нынешняя власть на меня составить пока не смогла — пока что, повторяюсь, — мы не сомневаемся в их успехе. Поэтому решили меня вот так изолировать на год.

Ну ладно, отправили в Арктику, я как бы парень большой, я выдержу все эти физические и психологические испытания, но меня изощренным образом закинули на какой-то пост, который находится практически в 300 километрах от ближайшей местной цивилизации, где хотя бы есть телефонная связь. То есть меня лишили даже элементарного: в 2020 году, в XXI веке я лишен возможности разговаривать по телефону раз в неделю один час, как это положено всем военнослужащим.

Я лишен доступа даже к таким базовым вещам, как вода: я хожу за несколько километров каждые пару дней, набираю и тащу 49-литровую канистру с водой, и еще два бойца тащат такие же канистры для того, чтобы у нас была вода. Я лишен электричества: у нас стоит бывший тракторный генератор, который мы заправляем каждые пару часов соляркой для того, чтобы у нас хотя бы был свет. Я реально до сих пор — июль месяц — просыпаюсь порой в бочке, в которой живу, от того, что капает вода сверху, потому что крыша дырявая, или потому что холод покрыл инеем все стены. Я реально не понимаю, для чего настолько издеваться над человеком в 2020 году — ну раз решили меня отправить в ссылку, зачем издеваться настолько?

Меня немножко обманул капитан Алексеев, когда перевели в часть 26984. Я вышел из машины, на которой меня доставили в Рогачево из Белушней Губы, он провел со мной беседу, первичный инструктаж, сказал: «Будь осторожен, тут белые медведи, ту-ту-ту, а теперь пошли». Я думаю, что мы идем в казарму, ни о чем не задумываюсь — а

оказываюсь в вертолете и лечу. У меня даже сумочку забрали, и я с 18 марта по 2 апреля был, пардон, без зубной щетки, туалетной бумаги и шампуня. Приходилось топить снег.

В месте под названием Чиракино ты сидишь и ждешь полтора месяца, пока тебе привезут еду. Скидывают тебе с вертолета мешок консервов и мешок круп — на тебе, чувак, выживай, мы тебя не бросили, не забыли. Я получаю письма от людей, некоторые пишут: «Привет, Руслан, это мое письмо №5, ответа от тебя я не получил». Письма мне доставляют избирательно, от близких показывают перед судом.

Никакого реального обучения [военной профессии] я не проходил — в электрике не разбираюсь, Ваша честь, даже являясь «электриком второй категории». В части 23362 я первое время ничему не обучался, потом для меня сделали эксклюзивную «учебную роту», в которой я был один: я сидел в кабинете, со мной сидел контрактник — несчастный сержант, который снимал меня на камеру, чтобы со мной ничего не случилось. Снимал, как я сижу, полтора месяца. Чему учился? Ничему не учился. За пару дней до перевода в часть 26984 выдали удостоверение, где написано, что я теперь имею допуск к второй или третьей категории «электрические приборы».

[Когда перевели в Чиракино,] в тот же час сказали: «Ты, Шаведдинов, зачислен на должность “дизелиста”» и показали, как заправлять старый тракторный двигатель. Меня никто не спрашивал, поставили перед фактом. Я не проходил обучение на «дизелиста», проходил обучение выживанию.

Двигатель я могу заправить, это простая наука, но работы у дизелиста практически нет: заправить и сделать перекачку восьми тонн [топлива] — у меня четыре мозоли на руках, потому что я десять дней назад переливал из одной бочки в другую, это примерно три с половиной часа занимает. Сейчас, пока я здесь, в Чиракино пришел танкер, так я хотя бы танкер не разгружаю с соляжкой — спасибо, Ваша честь.

Когда [повезли в суд], меня позвал командир части полковник Мордвинцев и сказал: «Шаведдинов, давай так сделаем: ты отказываешься от своих исковых заявлений, я взамен обещаю, что оставляю тебя в гарнизоне и дам пользоваться мобильной связью — как и всем, в неделю час. Я сказал: «Пфф, это так себе вариант». Он сказал: «Будешь жить здесь, только давай без политических заявлений и деятельности». На что я ответил, что вести политическую деятельность на Новой Земле тяжело, да и в любом случае предложение неприемлемо, все равно меня обманут.

С точки^[1] меня сняли три дня назад: я прилетел в 16:50 в гарнизон, уже в 18:00 был поставлен в наряд, где простоял сутки. Через сутки по идее должен был смениться наряд, но мне поставили вторые сутки. Я 48 часов был без сна, после чего [командир] сказал: «Ты же понимаешь, что тебя ждет, когда ты вернешься». Я понимаю, что прилечу и сутками буду стоять и не спать, а потом пару дней пройдет, я замучаюсь, и меня отправят обратно в Чиракино. Я все это понимаю, но от права обратиться в суд не откажусь даже под угрозой не поспать пару суток.

Ваша честь, вот мы с вами в масках, потому что коронавирус — я очень переживал все это время, я слышал, что в Москве эпидемия, там проживает моя мать, мои близкие — я даже не мог узнать об их состоянии. До сих пор у меня не было возможности позвонить, я до сих пор не знаю, болел ли кто-то из них.

Если кто-то полагает, что я должен был испугаться или как-то прекратить свою политическую деятельность, я или мои коллеги по ФБК должны были прекратить свои расследования и говорить правду о коррупции людей, которые захватили власть в России сейчас — ну, ничего не удастся, я не испугался. Я уже семь месяцев [служу], как вы видите, стою перед вами живой. Какие-то у меня порезы, царапины, я безумно уставший, потому как довольно-таки немного сплю, не употребляю чистой воды, и баня моя состоит из того, что я топлёный снег нагреваю на обогревателе, который по документам проходит как электронный камин, но фактически это обычный такой обогреватель небольшой; вот я топлю снег, а потом этой водой умываюсь, Ваша честь (смеется), а потом я этой же водой чищу зубы, а потом готовлю на ней суп.

То есть условий никаких, и это все сделано для того, чтобы когда я в декабре освобожусь — чтобы там ни придумали силовые органы России, я окажусь на свободе же рано или поздно, возможно они что-то придумают и опять куда-то меня затащат, — но я же в любом случае смогу рассказать об этих вопиющих нарушениях своих базовых прав. Если вы сейчас боитесь, что я что-то расскажу, и лишаете

меня телефона, ну я в декабре же все равно об этом расскажу, невозможно это утаить. Я не буду молчать. Я не буду бояться. Я продолжу свою деятельность. Все, кто работает в ФБК, для них это не стало каким-то уроком, который кто-то должен был для себя извлечь — все продолжили свою деятельность с еще большей злобой.

Я восхищаюсь смелостью командования этой части, которое мне, глядя в лицо, говорит: «Ну, Шаведдинов, ты ж все понимаешь, типа мы не сами это принимаем, нам из Москвы позвонил какой-нибудь дядечка вроде Картаполова, заместителя министра обороны, и сказал, что мы с тобой должны поступить так — ты уж нас прости и не обижайся». Где-то в глубине души я понимаю, что люди-то подневольные, им приказали. Но никогда не могу простить этого, Ваша честь и уважаемый представитель части, с которой я сужусь: никогда я этого не прощу и не пойму, если вам дают заведомо преступный приказ, хотя бы об этом говорите, сопротивляйтесь, показываете недовольство этой ситуацией. А то получается, что вы мне высказываете, как вы меня поддерживаете, какой я молодец, но делаете это шепотом и пока никто не слышит, чтобы себя отбелить. Я не забуду это и не прощу, и люди, которые следят за тем, что происходит, тоже не забудут и не простят.

Embed Wrapper Not Realised

Embed Wrapper Not Realised

Embed Comment Not Realised

Ваша честь, мы с вами встречались 21 февраля, и тогда я был единственным похищенным по беспределу. Вы

тогда вынесли решение, послушав какие-то темные силы; я не знаю точно, кто именно принимает решения по мне на постоянной основе, но вы тогда приняли решение не в мою пользу. Тем самым вы открыли ящик Пандоры: сейчас похитили парня с астмой — вы наверняка слышали это дело — Артема Ионова из Москвы, сотрудника ФБК, нашего айтишника. Парня, который политикой-то занимался... он в основном распространял ролики, больше ничего не делал, в основном интернет в ФБК настраивал. У него была астма, его нельзя забирать в армию, но потому что вы, уважаемый суд, дали добро, чтобы похищали всех остальных, его похитили. Его похитили из квартиры и отправили в Чукотку парня с астмой. Если он там откинется, ваш Сергей Кужугетович, уважаемый представитель части 26894, я обещаю, что рано или поздно я добьюсь, чтобы он оказался на скамье подсудимых. Все, что случится с Артемом Ионовым в ЗАТО^[2], куда к нему не приедут врачи, будет лично на его руках.

Вы раньше прикрывались какими-то законными актами, про меня прокремлевские СМИ и помоечные телеграм-каналы писали, что Шаведдинова [отправили служить] законно — несмотря на то, что у меня выпилили дверь и очень быстро доставили на Новую Землю. Ну окей, но тут-то что? У парня астма, вы его похищаете! Отбросьте все политические предпочтения, оппозиционер вы или провласть, человек с астмой не может находиться в закрытом военном городке на Чукотке, он физически может умереть. Мне сообщили мои юристы, что Ионову дают звонки, но звонки не спасут парня. Я в офисе

сидел в соседнем кабинете, я видел, что он астматик и пшикает этой штукой, ингалятором.

Теперь похитили моего коллегу Ивана Коновалова — парня, который политикой не занимался, он был пресс-секретарем «Альянса врачей», а это организация, которая занимается защитой прав медицинских работников. На фоне коронавируса — это архиважно, потому что их многих обманывают и не выплачивают положенные выплаты. Он бился за медиков, которые спасали жизнь нашу с вами — мою-то нет, потому что меня держали на Новой Земле, где я не проходил обследований, но вам здесь наверняка замеряли температуру, и вы все это проходили. Он здесь, в Архангельске, мне сейчас сообщили, в войсковой части 21514, это учебка. То есть я знаю точно, что вы его дальше сошлете. У него тоже есть проблемы со здоровьем, что подтверждено медицинскими показаниями, но тут-то вообще беспредел.

Тут для всех очевидно, что это дело политически мотивированное. И вы, Ваша честь, можете сохранить лицо в этом деле, честно я вам посоветую. Я понимаю, что вы не отправите меня домой, я понимаю, что это уже все — раз меня туда отправили в закрытый город, то меня уже не спасти, и я до декабря буду находиться в этой ссылке. Но вы можете как-то мне облегчить... Вы знаете, во времена нацистов, вы можете оказаться таким чувачком, который спасал евреев.

Вот сейчас присутствовал здесь Навальный, он сказал, типа: «Я вот с твоей мамой общался, вроде более-менее, жива-здоровая». Это единственный

момент, когда я узнал что-то о своей маме, начиная с 18 марта. 18 марта я тоже ей звонил, я веду отчет с этой даты, когда у меня была формально возможность звонить.

Вы меня сейчас отправите обратно, я прилечу и скажу этим ребятам, что оказывается здесь нет снега, оказывается, что здесь есть деревья и вода — потому что они там живут и этого не знают. Я, благодаря суду, сегодня оказался здесь, а они там живут и об этом не знают. И поэтому я продолжу бороться не только за свои права, но и за права ребят, которые там находятся — совершенно точно незачем им там находиться — и за права тех офицеров, которые ко мне обращаются.

Вот вы сидите в телефоне, переписывались все заседание, ну вот так и принимаются все решения в нашей стране, Ваша честь, по политическим делам.

Вам уже прислали решение, я понимаю. Еще раз прошу вас, вы не можете меня сейчас полностью освободить, понятно, что не можете вы себе это позволить, вам не разрешат, но облегчить судьбу узника, как бы пафосно это ни звучало, все это в ваших руках. Это очень плохая тенденция, и очень плохие времена наступают, когда министерство обороны используют как филиал УФСИН. Прошу вас принять единственно верное решение — отменить незаконный приказ командира части, обеспечить меня мобильной связью, как это положено согласно уставу и как это положено по распорядку дня.

Редактор: Сергей Смирнов

1. Радиотехнический пост группы управления на вертолетной площадке.
2. Закрытое административно-территориальное образование.